

Мамара Шабаренина

СВЕТОПИСЬ РОЩИ

ХІХ ВЕК

*Но есть особое время, когда старый Уральск
может открыться и очаровать. – Это зима.*

Рустам Вафеев

Как партер небосвод: снегопад накренил...
Божий страх – не поднимет глаза человек!
Свой потерянный город с наката накрыл
Поражённый в правах девятнадцатый век!

Полнота полномочий в ключе войсковом,
Кураже атаманском, венцах алтарей!
– Где там зодчий? И зодчий взмахнул рукавом
И взошли над Уральском семнадцать церквей!

Сухожилльная рвань – стопы фортгородца
Возвелись в колоннады перстом волевым!
И снежинки – вселенская память творца –
Опустились где надо убранством лепным.

Вот он, град потаённый, где Марс и Амур!
Где расчёты и страсти в одном колесе!
Где извивы точёные дамских фигур
Заточены в каркасы балконных эссе.

Вот он, град потаённый из белых снегов!
В токе улиц, впадающих в млечный базар:
Ловят сети крылёные дух пирогов,
Раздувной мегаполис казачьих шальвар!

Город – царская поступь – не провинциал!
Ковань ладных фасадов, пролёт кружевной
И кыргызского роста славянский вокзал
Вновь кого-то куда-то зовёт как живой...

Он сползёт на слезе. В развесенный разбег.
Иллюзорванный шик развенчает дома.
Он нигде и везде – девятнадцатый век.
Но когда разверзает пространства зима...

САФИНСКИЕ РОЩИ

Хамзе Сафину – человеку Победы

На Берлин – жаворонки победы.
На державе бинты кровоточат.
На Берлин – рвут препоны побеги
Припожаловать к сафинским рощам!

С кочевых нераспаханных прерий
Бьют камчою несметные ветры...
Из чего вырастают деревья?
Из отчаянья, бедности, веры...

Эпопею с киркою-лопатой,
Темнолицую, кем не забытой?
Только ею, кривой и горбатой,
Только улицей Лесозащитной!

И кисейных тончей палантинов,
И трепещет листва, и полощет!
И таких световых величин нет,
Измеряющих светопись рощи!

Скорых саванов ей не пророчь:
«Облушат по бревну на филёнки»
В предписании сафинских рощ –
Завещание умным потомкам...

НА ПОКЛОН

Зажигает день январский,
полыхает серебром.
Я шагаю по Уральску,
направляюсь на поклон:

Золотая, отставная,
без поста твои посты.
Никаких молитв не знаю,
кроме – «Господи, прости».
Стыд стоять на людном месте,
норовлю зайти с угла.
Не себя ветёлка крестит,
а святые купола!
Не умею я молиться:
у собора не шепчу.
...Где персту остановиться,
по которому плечу?
На пространство у проспекта
снизошла такая тишь:
Если нет на то просвета,
так почто ты тут стоишь?
Что ты ждёшь от ореола
заколоченных дверей,
Ты, жиличка из района
прибарачных пустырей?
Кожа – током переменным,
как поплыл поверх голов,
Размозжённый автогеном
бой былых колоколов!
Из-под плит тоска земная...
«охрани и отпусти!»
Никаких молитв не знаю,
кроме «Господи, прости»

ЭТЮД ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО

Мороз картёжно тусовал
толпу на рынке.
На голых крышах рисовал
рубли-тиынки.

«Спирт-спирт!»
не шопот, а Шопэн
В торговых кроснах,
смертельноградусный абсент –
открытый космос!

Гребла карманы пацанва
до корбованца,
И баба пьяная цвела
в безумном танце!

Базар кассетно воротил
загранпорнуху,
Алдар-Косе ещё шутил –
хватало духу.

Что, мол, Америко-обком
нас не покинет:
Не кулаком, так языком,
но нефть отнимет!

Молол ребёнок бутерброд,
скакали галки.
Мой безработный старый год
сдыхал на свалке.

Из карты мира Люцифер
кроил портьеры.
«Мело, мело по всей земле
во все пределы».

СЛОВО ОПОЛЧЕНЦЕВ

«Нобеля» вам иль «Оскара»?
...Чёрное небо падало
И разверзало фосфорный
адовый зев дьявола!

Кровь замирала в лужах:
зонд с голливудским временем?
За панорамой ужасов –
Нобелевская премия.

Триллеры интервенции
полнили дула узкие:
Расстреливали рожениц
только за то, что русские.

Кукла с ногой бросовой,
бросовый пёсик замшевый:
Топала Новороссия
детского роста «к бабушке»...

Улицы в вышиванках
в форумы Мира верили –
Вытянулись развалины
контурами Америки.

...Мы постоим стражами,
оберегом, блок-постами.
Наши стволы налажены:
«Нобеля» вам иль «Оскара»?

И по стерне выжженной
в судные ялты-нюрнберги,
Если в войне не выживем,
вас поведём мёртвые!

«Я ЗДЕСЬ ОСТАЛСЯ Б»

Он здесь бы снял свое пальто,
Когда б примерил малахаи.
«Октябрь. Уж роща отряхает...»
Он здесь остался бы. А то?

Здесь про походы Пугача
Ему нашёптывали струги,
И ветр без шапки у излуки
Его свободой угощал!

Течение птиц и облаков
Рвало аханов трепыханье
И давне-давние преданья,
И речь яицких казаков.

...Когда бы Болдинская сень
Над Ханской рощей не сенила
И та, еще иная сила,
Он здесь остался б насовсем!

...Беда в лазоревой шали –
Принцесса вальса – Аграфена!
Он здесь остался б непременно,
Когда б не хворь по Натали...

И век – не век, и год – не год:
Урал руками разливными
Держал и держит это имя
И Чёрной речке не даёт!

МАРИНЕ

*В купели морской родилась.
И в полёте
Своём постоянно разбита...*
Марина Цветаева

Ты воздух и пена,
Ты звёздная гостья,
Сторонний набросок пастелью!
Кто создан из глины –
Тем гроб на погосте,
А твой – на погост не пустили.

А твой – стоветрово
К началу Вселенной
Взломил через лунную плоскость.
И обрыв верёвки
Торчал пуповиной земли
На неструганных досках.

Огромен, как атом.
Нелеп, неприкаян.
С единой боязнью: обрушить,
Когда пролетал он
Над петелькой Камы,
Твою лебединую душу.

Твой прах неотпетый –
Ни Саду, ни Аду...
Над сверх охлаждённой Россией:
И в вечных мирах –
За церковной оградой.
Пока не простили,

Повинна:
Строку подбирала по звуку,
По слуху, по эху, по плахе.
Любимых – по року.
Судьбину – по крюку.
Разлуку – по смертной рубахе.

Откуда глядишь?
Где твоё пепелище?
Без сказа и стебель, и овод.
Ни дна, ни покрывки –
Глаголет и плещет
Опасная степень свободы!

МАЯК

Метнёт ночной маяк
Фонарик полусонный.
И флаг речных бродяг
Отвалит из затона.

Начнёт кричать тягач –
Сычом закружит берег:
Курчавый карагач
Плечом гужу измерит.

Форватерный формат –
Полоска для матроса:
Накат на перекат –
До Гурьевского плёса!

Сезон на возжевых –
И вахты, и порталы,
Гружённые баржи,
Внезапные авралы!

Уха – под облака
Из камбуза, вестимо.
С характером река:
Не может без экстрима!

ГЕРЦОГИНЯ АЛЬБА

Опоздало на жизнь, чему быть.
Своеволит всё то, чего нет:
Алой кистью в высотах чудить
всходит Гойи ночной силуэт!

Убежала река с полотна.
Казтану, художник, забудь!
Та, что куталась в полутона,
обнажает безбожную грудь...

Выплывать из пучины холста.
Под окалиной дрожи тонуть,
Выпадать из личин естества –
Каэтану, художник, забудь!

Из-за туч истончённый просвет –
Мощь руки и любви оттенять...
Облачённую в то, чего нет,
хочет Гойя меня обнимать.

Разнополюсным прахом – на прах,
Как из пламени в пламень подуть.
Постелюсь тебе махой из мах –
Каэта... Каэтану забудь!

ХРОМОСОМА ПАМЯТИ

Припаркованы к драме ботики:
Дни не милуют ото дня.
На каком-нибудь там субботнике
С ними выметут и меня.

В том квадрате,
где ток смещения,
Пешеходная трасса, стой!
Я опять поперёк движения –
Прошлогодней трясую листвою.

Где взять силы
не обессиливать
В дистрибьютерской гоготне?
За Россию

встаю Россией,
Если бьют её тут при мне!

Изменяет Урал течение –
Слёг по старицам Иван-чай.
Как последнее ополчение,
Слово ладится по ночам.

Не пойдёт по кордонам паника:
В электронике лёгкий сбой –
Это я, хромосома памяти,
Хоть без ботинок, но домой...

РЕКВИЕМ

– Куда, малолетка,
далёко ль дорожка?
У храма столетья
пенёк в два окошка.
Молчун некрещённый,
окликнешь – растаешь...
Мой чёрный-пречёрный,
почто окликаешь?
Меж звёзд закопчённых
дымишь, не отпетый.
Мой чёрный-пречёрный,
родимый, пресветлый!

